

Логос нейросети: как философу узнать себя, глядя в машину

Научный руководитель – Полякова Светлана Викторовна

Василевский Пантелеймон Владиславович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии языка и коммуникации, Москва, Россия

E-mail: pantalaimon.bas@gmail.com

Любое имеющее имманентную идентичность дело создавалось в родовых муках антагонизма. Христианство возникло как оппонент Империи, наука, родившись в антагонизме одновременно и с философией, с религией, постоянно ищет что-то себе противоположное, что становится объектом научной критики, об этом политическом антагонизме уже даже как-то неловко упоминать. Проблема же философии в том, что она создавалась не как антагонистический проект.

Философия делает первые шаги при помощи пустых тавтологий, вроде «бытие есть», «реальность есть», «мир — это всё в целом», а также нонсенов-трансценденталий — парадоксальных определений "всего": "всё — это бессмертный и беспредельный апейрон», «всё — противоречие», «всё — атом» и так далее. Предмет ранней философии — всё, её продукт — трансценденталии и «определения» «всего» (определения беспредельного, неопределяемого, к каковым относятся и определения вроде "бытие беспредельно"). Философские тавтологии создают пространство философских нонсенов — перворазличений "всего", коротких замыканий "всего" на "что-то", производящий понятийные серии какой-либо философии: Первоединое-Ум-Душа-Космос (неоплатонизм), Бытие-Ничто-Становление (гегельянство), Простота-Начало-Основа-Формы-Вещественность (даосизм) и так далее. Этот учреждающе-порождающий акт запуска понятийных серий проблематичен. Не в последнюю очередь, проблема этого акта состоит в том, что вся философия начинает определяться изнутри, через саму себя, постоянно порождая одни и те же тавтологии на ином витке герменевтического круга, не будучи в состоянии ответить на то, какое место она занимает в мире, который сама же и описывает.

Трудно винить в этой неоднозначной, вызывающей столько сомнений генеалогии философию саму по себе. Как форма мысли, она зарождалась тогда и там, где она не могла найти что-то, себе противоречащее, потому создавала, в общем, искусственные противоречия внутри себя. Однако подобный генезис привел к тому, что философия стала весьма замкнутой в себе моделью. Порой стороннему зрителю крайне сложно понять, как связаны философские дискуссии и её предметы аргументации с реальностью. Более того, даже люди, зовущие себя философами, не могут с достаточной ясностью объяснить, чем же они занимаются. Многочисленные заметки с названиями в духе «Что такое философия?», как правило, объясняют в чисто нонсенсуальном духе ионийской фюзиологии, что философия занимается философией.

В работе Делёза и Гваттари «Что такое философия», как бы они ни хотели представить некую метафилософскую наработку, всё равно прослеживается сокрытая от создания мира схема «нонсенсуального развертывания». Они говорят читателям: «Философия – это творчество концептов». Если подходить к этому вопросу с этимологическим пристрастием, то мы услышим в этом определении очередной нонсенс «философия – это понимание»,

вокруг которого разворачивается дальнейшая система понятий, необходимых для понимания, что такое философия, о которых автор введения к русскому изданию работы (изданию 2002 года) Екатерина Бубенцова отметила, что знает о том, что такое философия не больше, чем раньше. Делёз и Гваттари правы, в сущности, что философия есть творчество концептов, но исходная точка этого творчества всё же осталась у них фигурой умолчания. Они лишь повторили над философией тот маневр, который философия делает над всеми остальными своими объектами. Витгенштейн же гораздо ранее, в 1912 году прочитал в Кембридже доклад, посвящённый этой теме, где философия была определена как «совокупность всех примитивных предложений, которые приняты без доказательств всеми науками». Трудно сказать, чем руководствовался Витгенштейн, оформляя это определение, видимо, духом английского эмпиризма, но тут очевидна иная и ещё менее плодотворная попытка определить философию через её связь с наукой. Действительно, в теории, мы можем предположить, что некоторый ряд разворачивающихся понятий действительно породил систему научного познания, и, в целом, это даже можно отследить, но не можем же мы всерьёз предполагать, что в науку встроены тезисы, например, Ксенофана о том, что единый бог имеет форму шара, а последнее всё же является философией.

Самое интересное, что несмотря на то, что философия сама по себе ускользает от попыток определить её, мы всё ещё интуитивно понимаем, что является философией, а где она заканчивается, и, скажем, читая романтическую беллетристику, анатомический сборник и «Феноменологию духа», даже самый далекий от философии читатель довольно легко поймет, что есть что. Почему так происходит? В каждом конкретном способе повествования, литературном, научном, философском и каком-либо ином всегда доминирует определённая форма высказывания, сформированная практикой использования слова в этой сфере в течение долгого времени, в котором слово научное отделялось от философского, и они оба отделялись от прозаического и лирического. О форме высказывания трудно что-то сказать, поскольку, говоря о ней, мы всегда имеем дело непосредственно с содержанием высказывания и имеем соблазн уйти к ней. Но это та дистинкция, которую необходимо иметь в виду для выявления диспозиций внутри каждой модели знания.

Наиболее фундаментальная вещь, по которой мы можем отличить философию от других сфер, от науки, от религии, от литературы и иных, это форма высказывания. Речь, совершенно непохожая на речь кого-либо ещё, и лишь она, пожалуй, выдаёт в говорящем философа – многие века развития философии не сформировали у неё ни унифицированного метода, ни единого объектного поля, ни даже определения, что она собой представляет. Однако выработалась определённая традиция обращения со словом и знанием, которая всегда даёт нам понять, что мы имеем дело с философским текстом, даже если он не очень качественный. Понимание это, в сущности, интуитивно. Оно рождается из общей насмотренности, когда специалист (необязательно философ) может отличить одну форму философии от другой, оценить её качество и убедительность аргументации и понять, является ли вообще то, что он читает философией или это какая-то имитация. Причём никаких позитивных критериев, которые помогли бы читающему определить, является текст философским или нет, не существует. Это всегда идёт будто бы апофатически, через отрицания присутствия в тексте элементов других сфер знания.

Итак, всё это наталкивает нас на мысль о том, что реальным фундаментом установки идентификации философии должна стать дискурсивная практика, которая могла бы быть ей полностью альтернативной, то есть потенциально охватывать весь объектный спектр философии, но которая при этом была бы опознана как совершенно другой, своего рода подделки.

Сейчас же, когда бремя высказывания ложится не только на человека, но и на технику, на нейросеть, пространства для такой подделки философии является гораздо более широким. Быстро обнаружилось, что нейросети могут вполне производить некоторую форму философских высказываний. И наконец, перед философами встал в полном объёме вопрос об их «подлинности». Философские высказывания нейросети уже вызывают дискуссию в философском пространстве, и эта дискуссия заключается в том, может ли нейросеть вытеснить «белковых» философов из своей ниши. На этот счёт есть разные точки зрения. Преимущественной, разумеется, является отрицание такой возможности в силу того, что философской речи нейросети чего-то не хватает. Но ответить на вопрос, чего конкретно речи нейросети не хватает, очень непросто, а этот вопрос фактически сводится к тому, какое мы, философы, имеем преимущество над машиной. Вероятно, это может стать одним из ключевых проблем философии в будущем, формулирование монопольного объекта философии, который не сможет присвоить никто, в том числе искусственный интеллект. Иная точка зрения состоит в том, что в философии нет ничего эссенциального, и нейросеть вполне может вытеснить живых философов из их жизненного пространства. Такую точку зрения высказывает Рикардо Манзотти в своем исследовании искусственного интеллекта. И этот вопрос – вопрос не о том, будет ли существовать философия. Даже если в этом споре живых философов вытеснят «искусственные», философия в той или иной форме сохранится. Этот вопрос – вопрос институционального характера, в котором тысячелетняя философская академия должна объяснить всё-таки, в частности и самой себе, что является её привилегией, и вокруг этой привилегии выстроить свою эксклюзивную идентичность. Это вопрос о субъектности философа как публичной фигуры, обладающей знанием.

Когда мы откроем нейросеть как нашего дискурсивного двойника, мы как претендующие на то, чтобы быть философом, должны будем выяснить, что же нас как философов от неё кардинально отличает. Или же слиться с ней в субъектной безразличности.

Источники и литература

- 1) Manzotti R. The Spread Mind: Why Consciousness and the World Are One. — NY: OR Book, 2018. — 340 p.
- 2) Делёз Ж. Гваттари Ф. Что такое философия? — М.: Академический Проект, 2009. — 261 с.
- 3) Шалларь В. Ангелы и способы производства. — Эгалите: неверленд, 2024. — 188 с.